

МЕРА ОГНЯ

Исторический детективный роман

МЕЛКОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

Алексей Мелков

Мера огня

«Автор»

2026

Мелков А. В.

Мера огня / А. В. Мелков — «Автор», 2026

Баку, 1910 год. Нефтяной город живёт на границе огромного богатства и крайней бедности. После убийства нотариуса Павла Ланского полиция задерживает рабочего Юсуфа Керимова: у него был мотив, он угрожал погибшему, а на одежде обнаружена кровь. За защиту берётся бывший судебный следователь Александр Веденин — человек, однажды уже заплативший за слишком раннюю уверенность чужой свободой. Проверя показания и старые документы, он выходит на историю отнятой земли, нефтяных состояний, семейных тайн и людей, каждый из которых позволил себе лишь небольшую ложь, небольшое насилие или небольшое молчание. Но смерть Ланского не укладывается в удобную версию одного убийцы. За ней стоит цепь поступков, и право должно определить меру ответственности каждого. Это историко-философский детектив о любви и свободе, собственности и совести, богатстве и власти, о Баку начала двадцатого века и о том, почему ни деньги, ни закон, ни огонь сами по себе не бывают добрыми или злыми.

© Мелков А. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Чужая земля	5
Глава 1. Хлеб	5
Глава 2. Дворник и стекло	12
Глава 3. Баиловская тюрьма	15
Глава 4. Человек, который не видел лица	19
Глава 5. Лейла	22
Глава 6. Чернила на пальцах	28
Глава 7. Вторая кровь	32
Глава 8. Бумага отца	35
Глава 9. Чёрный город	38
Интерлюдия. Город, который не спал	41
Глава 10. Три визита	44
Глава 11. Трость с орлом	47
Глава 12. Фотография двух сестёр	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Мера огня

Часть первая. Чужая земля

Глава 1. Хлеб

Баку. Апрель 1910 года

Когда за Юсуфом пришли, хлеб ещё стоял в печи.

Набат запомнила это, а всего, что было после, по порядку вспомнить не могла. Один из полицейских переступил через таз с водой. Другой остался у двери, и в щель между его плечом и косяком тянуло холодом. Юсуф сидел на краю постели, не попадая ногой в сапог. Мать хотела поднести ему лампу, но человек у двери велел поставить её обратно.

— Руки покажи.

Юсуф показал.

Под ногтем большого пальца чернело что-то, и Набат успела подумать: опять не отмыл. На промысле эта грязь въедалась так, что даже после бани сын возвращался с тёмными ободками вокруг ногтей. Она иногда брала его руку и вычищала их щепочкой, как в детстве, хотя ему было уже двадцать семь и он сердился, если это видела сестра.

Теперь чужой человек поворачивал его кисть к свету.

— Это вчера, — сказал Юсуф.

Его не спросили, что было вчера.

Из-за занавески выглянула Хадиджа. Набат велела ей лечь, и девушка послушалась с такой поспешностью, словно виновата была она.

Когда сын наконец обулся, он искал глазами шапку. Она лежала рядом с ним. Набат подняла её, стряхнула невидимую соринку и отдала. Ни о чём важном они не сказали.

Только на пороге Юсуф обернулся:

— Хлеб вынь.

Потом в комнате стало просторно.

Набат вынула хлеб. Один край подгорел. Она долго скоблила его ножом, собирая чёрные крошки в ладонь, и вдруг услышала, как за занавеской дочь тоже скребёт ногтем по стене — маленький сухой звук, всё в одном месте.

• • •

К девяти часам ветер принёс в город запах горелого масла. У дома, где присяжный поверенный Александр Ильич Веденин снимал две комнаты под контору, дворник привязывал оторвавшуюся ставню. Верёвка не держалась: стоило ему отпустить один конец, как ставня ударяла в стену, и он, вместо того чтобы рассердиться, всякий раз говорил ей вполголоса одно и то же.

Набат подождала, пока он закончит, и спросила, здесь ли человек, который разговаривает за других в суде.

— На втором этаже.

Она поднялась, прижимая узелок к груди. На площадке пахло варёным луком. За одной дверью плакал ребёнок; за другой женщина разбирала с кем-то счёт и на каждое возражение отвечала новым числом.

В конторе Веденина было тихо.

Помощник поверенного, Гасан Сафарли, только что засыпал песком переписанное прошение. Он поднял голову, увидел узелок и сразу убрал со свободного стула две книги.

Набат не села.

— Мне сказали, он здесь.

Гасан ответил ей на том языке, на котором она обратилась, и открыл дверь в соседнюю комнату.

Веденин стоял у окна с чашкой в руке. На нём был жилет, а сюртук висел на спинке стула. За последние месяцы он привык, что к нему приходят без предупреждения; однако женщина на пороге остановилась с таким видом, будто застала его за чем-то запретным. Он поставил чашку и надел сюртук. Тогда она вошла.

— Ваш сын? — спросил он, когда Гасан сказал несколько слов.

Она кивнула.

— Садитесь. Как вас зовут?

— Набат. Я по-русски понимаю. Только когда быстро — плохо.

— Мы не будем быстро.

Она устроила узелок на коленях, взялась за концы платка и не сразу смогла их развязать. Гасан хотел помочь, но Веденин удержал его взглядом.

В узелке лежали хлеб и свёрнутое полотенце.

— Это ему, — сказала Набат. — Я туда ходила. Сказали, пока нельзя. Может, вам можно.

Веденин посмотрел на надломленный край хлеба. Под коркой ещё сохранялось немного тепла.

— Я узнаю, где он и разрешат ли передачу. За что его взяли?

— Человека убили.

— Кого?

— Ланского. Который бумаги делает.

Гасан перестал перебирать листы.

Павла Андреевича Ланского Веденин знал. Не близко: встречались по делам, однажды ужинали за одним столом. Нотариус был из тех людей, которые, выслушав собеседника, прежде ответа поправляют лежащую перед ними вещь. Веденин помнил, как он выровнял нож и вилку, когда за ужином заговорили о смерти чьего-то ребёнка. Тогда это показалось ему равнодушием. Теперь, услышав, что Ланской убит, он почему-то подумал: может быть, тот просто не знал, куда деть руки.

— Кто вам сказал об убийстве?

— Те, что пришли.

— Они сказали, что ваш сын его убил?

— Сказали: пусть объяснит кровь.

Веденин придвинул к себе чистый лист.

— Вы сами видели кровь?

— На рукаве.

— Когда?

— Вчера. Когда вернулся.

— Что он вам сказал?

Набат опустила глаза на хлеб.

— Что помогал человеку.

— Какому?

Она молчала.

— Он назвал этого человека?

— Нет.

— Вы спросили?

— Спросила, не его ли кровь. Сказал — не его.

Она говорила с той аккуратностью, с какой ещё час назад соскабливала подгоревшую корку. Веденин видел, что ей хочется добавить что-то хорошее о сыне: как он приносит заработанное, как держал сестру на руках, когда она болела. Он не торопил её.

— Он горячий, — сказала она наконец. — Когда думает, что его обманули, сначала говорит, потом понимает. Но если упадёт человек, он поднимет. Даже тот, с кем дрался.

Веденин записал: «Помогал человеку».

— Во сколько он вернулся?

— Поздно.

— У вас есть часы?

— У соседей есть.

— Вы смотрели на них?

— Нет.

— Значит, пока запишем: поздно. Не будем угадывать.

Гасан положил перед ним уже начатый лист. В верхней строке стояло: «По делу об убийстве нотариуса П. А. Ланского».

Набат увидела фамилию и потянулась к бумаге.

— Это про него?

— Пока только название, — сказал Веденин.

— Прочитайте.

Он прочитал.

Она слушала с заметным облегчением. Ни слова о Юсуфе там ещё не было.

— У вас имеются какие-нибудь бумаги? — спросил Веденин.

Из-за пазухи Набат достала второй свёрток, маленький, завёрнутый в ткань. В нём лежали три рубля и письмо.

— Деньги после, — сказал он. — Сначала письмо.

— Он не отправил. Я нашла на сундуке. Хотела сжечь.

— Почему?

— Там злые слова.

Она следила за его лицом, пока он разворачивал лист.

«Павел Андреевич. Вы обещали показать мне настоящую бумагу. Я приходил три раза. В пятницу я опять приду, и тогда вы от меня не отделаетесь. Я своё возьму».

Ниже, уже теснее, словно написавший передумал заканчивать:

«Отец не продавал землю. Он до смерти говорил, что не продавал».

Подпись: «Юсуф Керимов».

Веденин перечитал последнее предложение.

— Сегодня суббота, — сказал он.

— Да.

— Он был у Ланского вчера?

— Был. Раньше, до темноты. Потом ещё куда-то ходил.

— Вам известно куда?

Она покачала головой.

— Я просила не ходить к тому человеку. Говорила: отец умер, землю не вернёшь. Он сердился. Сказал, я и его заживо хороню.

За стеной прекратили считать деньги. Послышался смех, неожиданно громкий в наступившей тишине.

— Почему вы не сожгли письмо? — спросил Веденин.

— Тогда вы будете думать, что он тихий.

Она стиснула пальцами край полотенца.

— А он не тихий. Вам надо знать, какой он.

Веденин опустил лист.

Шесть лет назад в одном деле он написал: «Объяснение обвиняемого опровергается совокупностью обстоятельств». Фраза получилась удачная, начальство её одобрило. Он помнил её

и после того, как узнал то, чего не пожелал проверить вовремя. Слово «совокупность» ещё несколько лет встречалось ему почти каждый день; всякий раз он видел не бумагу, а мокрую спину человека, который наклонился поднять упавшую шапку.

Набат не знала, о чём он вспомнил. Она приняла его молчание за сомнение и придвинула деньги.

— Больше сейчас нет.

Он вернул их ей.

— Сегодня оставьте себе. Мне нужно выяснить, что произошло. У вашего сына есть человек, которого он слушается?

— Меня иногда.

Гасан отвернулся к окну.

Набат тоже почти улыбнулась, но улыбка не удержалась.

— Мне сказали, — продолжила она, — если найти хорошего поверенного, сына отдадут.

Веденин не сразу ответил.

— Я могу добиваться, чтобы его выслушали и проверили то, что говорит в его пользу. Обещать, что его отдадут, я пока не имею права.

Она посмотрела на него долго, без обиды, и снова завязала деньги в ткань.

— Другой сказал: отдадут.

— Вы были у другого?

— Нет. Мне про другого сказали. Он больше берёт.

Веденин ничего не ответил. Набат поднялась.

— Хлеб оставлю?

— Оставьте. Гасан узнает о передаче. А письмо я пока перепишу и верну вам. Не прячьте его и никому не позволяйте ничего в нём исправлять.

Она кивнула и пошла к двери.

Там остановилась.

— Ланскому сколько было лет?

Веденин удивился.

— Около пятидесяти. Точно не знаю.

— Мать у него жива?

— Не знаю.

Набат поправила платок.

— Узнайте, — сказала она и вышла.

• • •

Час спустя пришёл человек с красными, растрескавшимися руками. Набат привела его до лестницы, но подниматься не стала.

Его звали Акоп Меликян. Он служил у домовладельца, сдававшего Ланскому верхний этаж; смотрел за воротами, носил дрова, исполнял мелкие поручения жильцов. С Набат они когда-то жили в одном дворе. Он говорил по-русски свободно, с удовольствием употребляя длинные слова, и, представившись, прибавил, что пришёл добровольно, по собственному побуждению.

— Я ведь уже давал объяснение, — сказал он.

— Мне вы ничего давать не обязаны. Я хотел бы спросить, что вы видели. Ваши слова могут понадобиться и при расследовании. Вы согласны рассказать?

Меликян посмотрел на Гасана.

— Пусть пишет. Я одно и то же скажу.

Веденин усадил его и попросил начать с того часа, когда он в последний раз видел Ланского живым.

Меликян начал с утра.

Он рассказывал подробно. У сапожника напротив заболел подмастерье. Мясник прислал не ту часть туши. Нотариус велел никого не пускать после девяти, но до девяти пускать, если придёт человек с письмом. Имени не назвал. Дрова оказались сырые, хотя продавец клялся, что сухие.

Гасан дважды поднимал глаза на Веденина. Тот продолжал слушать.

Когда Меликян добрался до вечера, он уже почти забыл о листе, на котором записывали его слова.

— Юсуф пришёл перед самым сумраком. Поднялся. Потом там голоса. Я стоял во дворе, не слушал.

— Слов не разобрали?

— Одно разобрал. Юсуф кричал: «Верните». Что вернуть — не знаю. Он спустился сердитый. Я ещё сказал: не здесь кричи, люди живут.

— Он ответил?

— Рукой махнул.

— Что было потом?

Меликян поглядел на свои пальцы и потёр большим пальцем трещину у основания ногтя.

— Потом опять приходил. В половине десятого.

— Вы его впустили?

— Ворота ещё открыты были. Он сам.

— Вы видели, как он вошёл?

— Нет, как вышел.

— Расскажите.

— Я из своей комнаты шёл во двор. Он от лестницы к воротам. Быстро. Пальто тёмное. Кепка.

— Вы с ним говорили?

— Не успел.

— Он вас видел?

— Должен был.

— Повернулся к вам?

— Нет. Я уже за спиной оказался.

Веденин подождал.

— По чему вы его узнали?

— Я Юсуфа с мальчишек знаю.

— Это я понял. В тот вечер — по чему?

Меликян сердито посмотрел на него, словно Веденин оспаривал не показание, а давнее знакомство.

— По пальто. По росту. Походка его.

— Что особенного в походке?

— Он... быстро идёт.

— Вы сказали, человек торопился.

— Так я и говорю.

Гасан перестал писать. Меликян заметил это и выпрямился.

— Вы меня запутать хотите.

Веденин повернул к нему лист.

— Вот что записано: вы видели со спины человека в тёмном пальто и кепке. Он быстро шёл к воротам. Лица вы не видели. Всё верно?

— Лица — нет. А так верно.

— И решили, что это Юсуф.

— А кто ещё?

— Я не знаю.

Этот ответ, кажется, рассердил Меликяна сильнее всех вопросов.

— Если вы не знаете, зачем спрашивать?

— Потому что иначе и не узнаю.

Меликян отвернулся. За окном опять ударила ставня. Дворник внизу выругался — теперь уже на кого-то, кто обещал принести гвозди.

— Я не лгу, — сказал Меликян.

— Я вас в этом не обвиняю. Но вам придётся отдельно сказать, что вы видели и что подумали. Это не всегда одно и то же.

— Его ведь раньше там видели.

— Да. И вы слышали ссору. Поэтому могли узнать его там, где другого человека стали бы рассматривать внимательнее.

Меликян поглядел на дверь.

Веденин отодвинул лист и налил ему воды. Тот выпил, придерживая стакан обеими руками.

— Про половину десятого откуда известно? — спросил Веденин.

— Они сказали.

— Кто?

— Когда записывали. Спрашивают: около половины десятого? Я говорю: должно быть.

— А ваши часы?

Меликян даже рассмеялся.

— У меня?

— Значит, точного времени вы не знаете.

— Я не следил.

— Что в тот вечер происходило до того, как человек вышел? Что вы делали сами?

Меликян начал рассказывать снова. На этот раз Веденин расспрашивал его о дровах, о мяснике, о лампе у ворот. К одному и тому же вечеру теперь как будто прибавлялись вещи, которые раньше никого не интересовали: мокрый мешок, забытый у лестницы; кошка, забравшаяся в комнату; крик жены, просившей отнести хозяйке пустую бутылку.

— Это когда вы бутылку несли, человек прошёл? — спросил Веденин.

— Нет. Бутылку потом. Я сначала к фонарю ходил.

— Зачем?

— Стекло поправить. Дымил.

— Успели?

— Успел. Потом наверху хлопнуло.

— Что хлопнуло?

— Я думал, дверь. Только звон был.

Веденин удержался от следующего вопроса. Меликян потёр колено и сам прибавил:

— Как стакан разбился. Я ещё подумал: сердится Павел Андреевич. Он иногда, когда сердился, на стол стукнет, а посуда подпрыгнет.

— Вы слышали это после того, как человек ушёл?

— После.

— Или прежде?

— После. Он мимо меня прошёл, я к фонарю, а потом наверху. Я ещё поднял голову.

— Кто-нибудь был рядом?

— Жена из окна сказала: опять у них. Она тоже слышала.

Гасан быстро записал несколько слов.

— Это важно? — спросил Меликян.

— Может оказаться важным. Надо будет проверить.

Веденин не чувствовал торжества. За стеной могли уронить стакан. Звук мог донестись из другой комнаты. Меликян мог ошибиться и сейчас; спина в тёмном пальто тоже могла принадлежать Юсуфу. Но в гладком рассказе, где один человек пришёл, убил и ушёл, появилось место для вопроса. Веденин знал цену такому месту и знал, как легко его снова заполняют предположением.

— Жёну можете попросить прийти? Только не рассказывайте ей заранее, что мы здесь выяснили. Мне нужно услышать, что она помнит сама.

Меликян кивнул.

Уже у двери он вдруг оглянулся:

— Набат-то что сказать?

— Что я ещё ничего не знаю.

— Она ждать будет.

— Знаю.

• • •

Когда он ушёл, Гасан положил рядом два листа. На первом было письмо Юсуфа, на втором — запись разговора.

— Если слышали звон после его ухода...

— После ухода человека, — поправил Веденин.

Гасан кивнул.

— После ухода человека. Тогда Ланской мог быть ещё жив.

— Мог. А мог и не быть. Мы пока не знаем, откуда звук.

— Нужно попасть в дом.

— Попросим проверить. И жену расспросим отдельно. Сами ничего там не трогаем.

Он взял письмо Юсуфа. В нижней строке, где говорилось об отце, чернила расплылись от воды или от слезы; различить было невозможно.

— Узнайте ещё, кто вёл земельное дело Керимовых, — сказал он. — И было ли дело вообще. Пока у нас только слова сына.

Гасан собрал бумаги. Хлеб остался на краю стола. Остывая, он пах сильнее, чем утром.

В дверь постучали.

Посыльный подал конверт на плотной светлой бумаге. Адрес был написан женской рукой; фамилию поверенного подчеркнули одной тонкой чертой. Веденин узнал эту черту раньше почерка и рассердился на себя за то, что узнал.

«Александр Ильич. Прошу вас принять меня в понедельник. Мне необходимо говорить с вами о Павле Андреевиче Ланском. Мужу о моём посещении пока не сообщайте.

Лейла Аскерова».

Он прочитал записку ещё раз. Снаружи крикнули что-то лошади. Она ударила копытом по камню, и посыльный, не дождавшись ответа, спросил, что передать госпоже.

— В понедельник, в шесть часов вечера, — сказал Веденин.

— Здесь?

— Здесь.

Посыльный ушёл.

Гасан стоял у шкафа с хлебом в руках, ожидая, куда его положить до возвращения из участка. Веденин освободил полку. Потом, помедлив, накрыл хлеб принесённым Набат полотенцем.

Записку Лейлы он оставил на столе, отдельно от остальных бумаг.

Глава 2. Дворник и стекло

На следующее утро Баку был вымыт коротким дождём, который не сделал город чище, но заставил пыль прилипнуть к камню. Веденин вышел из конторы раньше Гасана и пошёл к дому Ланского пешком. Он всегда предпочитал увидеть расстояние ногами, прежде чем превращать его в схему на бумаге. Из экипажа улицы складывались слишком быстро; человек замечал фасады и забывал переходы между ними.

У ворот стоял Акоп Меликян. Он ждал, хотя Веденин не просил.

— Жена дома, — сказал он. — Только сердится.

— На меня?

— На меня. Я сказал ей не говорить со мной про вчерашнее.

— Правильно сделали.

— Она сказала, что если я стал следователем, то пусть и ужин себе готовлю.

Веденин впервые за сутки рассмеялся.

Жена Меликяна, Шушан, оказалась маленькой женщиной с тяжёлой косой. Она не села, пока Веденин не повторил, что не представляет полицию.

Акопа Веденин попросил подождать во дворе: ему нужно было услышать Шушан прежде, чем супруги начнут поправлять друг друга.

— Что вы слышали в пятницу вечером?

— Ничего.

— Хорошо. А что делали?

— Мыла чашки. Ребёнок кашлял. Акоп с фонарём возился.

— Что-нибудь разбилось?

Шушан нахмурилась.

— Стекло звякнуло.

— Где?

— Наверху.

— До того, как муж вернулся от фонаря, или после?

Она прислушалась к возне мужа за дверью, словно вспоминала тот вечер.

— Я ему крикнула, что опять у нотариуса посуду бьют.

— Значит, Акоп был во дворе?

— Да.

— Вы видели человека, который уходил перед этим?

— Нет.

Веденин кивнул. Двое слышали звук, но только один видел фигуру. Уже лучше. Не доказательство жизни Ланского после ухода Юсуфа, но независимая точка времени.

К этому времени подошёл Гасан. Веденин попросил показать двор. Лестница на верхний этаж начиналась под галереей. Из комнаты Меликяна выходившего человека действительно можно было видеть только со спины. Веденин встал там, где, по словам дворника, стоял Акоп. Гасан прошёл от лестницы к воротам в тёмном пальто.

— Юсуф? — спросил он, не оборачиваясь.

— Если очень хотите, — ответил Веденин.

— Рост похож?

— На половину мужчин города.

Акоп обиделся.

— Я его двадцать лет знаю.

— Именно поэтому вы особенно легко могли увидеть его там, где ожидали увидеть.

Они поднялись наверх вместе с чиновником, допущенным к осмотру. Комната Ланского была уже описана. Стол, перевёрнутый стул, разбитый стакан возле стены. Сейф с приоткрытой дверцей. На ковре тёмное пятно. У сейфа — другое, значительно меньшее.

Веденин ничего не трогал.

— Тело где лежало?

Чиновник показал.

— Головой сюда.

Металлический угол сейфа был на высоте чуть ниже колена. На нём тёмный след, который легко было принять за грязь.

— Это исследовали?

— Всё исследуют.

— Я спрашиваю про угол.

— Записан.

Веденин присел, не касаясь.

— Удар могли нанести здесь?

— Вы уже строите версию?

— Нет. Я хочу не потерять предмет, который потом может не понравиться версии.

Гасан записал эту фразу.

— Не надо, — сказал Веденин.

— Почему?

— Я не изречения сочиняю.

В столе обнаружили бумаги по земле Керимовых. Не оригинал. Копия купчей, из которой следовало, что Али Керимов много лет назад будто бы отказался от участка за денежное вознаграждение. Подпись была уверенной и красивой.

Набат утверждала, что муж до смерти повторял обратное.

Веденин попросил копию документа и список всех бумаг, изъятых у Ланского.

У двери он снова увидел разбитый стакан.

— Если человек ударил Ланского насмерть, зачем после этого разбивать стакан? — спросил Гасан.

— Не знаю.

— Может, убийца задел.

— Может.

— Или Ланской был жив.

— Может.

Гасан вздохнул.

— Вы когда-нибудь говорите «да»?

— Когда вижу то, что действительно произошло.

Внизу Шушан вынесла им чай. Веденин отказался, но она поставила чашки всё равно.

— Тот человек, что ушёл, — сказала она, — Акоп говорил, будто Юсуф.

— А вы что думали?

— Я его не видела. Акоп сказал — Юсуф; я только слышала стекло.

— Значит, ничего к его описанию не добавите?

Она пожала плечами.

— Чего не видела, того не добавлю.

Веденин посмотрел на Гасана.

Шушан не стала заполнять чужими словами то, чего сама не видела.

• • •

К полудню пришло разрешение увидеть Юсуфа в Баиловской тюрьме.

Набат ждала внизу с хлебом.

— Передадут? — спросила она.

— Попробуем.

— Не «попробуем». Узнайте.

Он улыбнулся.

— Узнаю.

Она подала хлеб и неожиданно коснулась его рукава.

— Павел Андреевич умер один?

— Не знаю.

— Узнайте и это.

Веденин посмотрел на неё внимательнее. Женщина, чей сын сидел по подозрению в убийстве, думала о том, был ли убитый один в последнюю минуту.

Он понял, почему взял это дело.

Не из-за трёх рублей.

И не из-за Юсуфа.

Пока ещё не из-за справедливости.

Потому что мать обвиняемого отказалась сделать погибшего удобным злодеем.

Глава 3. Баиловская тюрьма

Тюрьма на Баилове стояла так, что море чувствовалось раньше, чем становилось видно. Воздух был влажнее, ветер резче. С высоты открывались Каспий и разбросанные постройки посёлка; сам центр Баку отсюда не раскрывался той парадной панорамой, которую любили открытки. Для города нужно было подниматься в другую сторону — к Чемберекендским высотам. Здесь же море казалось ближе людей.

Юсуф похудеть не успел, но уже выглядел иначе. Тюрьма меняет лицо быстро: не чертами, а тем, как человек смотрит на дверь.

— Мать приходила?

— Приходила.

— Хлеб принесла?

Юсуф впервые улыбнулся.

— Значит, взялись.

— Я пока разговариваю.

— Сколько?

— Что?

— Денег.

— Потом.

— У меня нет.

— У вашей матери тоже почти нет.

Юсуф опустил глаза.

— Она письмо принесла?

— Да.

— Дура.

— Почему?

— Его теперь против меня.

— Оно и так существовало.

— Она могла сжечь.

— Тогда я бы не знал, что вы действительно собирались идти к Ланскому.

— Я ходил.

— Дважды?

Юсуф поднял голову.

— Кто сказал?

— Дворник.

— Врёт.

— Что именно?

— Второй раз.

— Где вы были после первого визита?

Пауза.

— Ходил.

— Куда?

— Не скажу.

— Тогда кровь на рукаве?

— Не Ланского.

— Чья?

— Не скажу.

Веденин некоторое время молчал.

— Я могу защищать ваше право молчать. Но не могу защищать факт, которого не знаю.

— Если скажу, ей будет хуже.

— Кому?

Юсуф отвернулся.

— Женщине?

Он резко посмотрел.

Вот и ответ.

— Она ранена?

— Я сказал, не буду.

— Она жива?

— Да.

— Вы уверены?

— Врач сказал.

— Какой врач?

Молчание.

Веденин сменил направление.

— Ланской при первом визите был один?

— Да.

— Ссора?

— Он показал мне копию. Сказал, отец получил деньги.

— Вы кричали «верните».

— Документ.

— Не землю?

— Землю тоже. Но сначала настоящий документ.

— Почему считали копию ложной?

Юсуф рассмеялся коротко.

— Потому что отец до смерти говорил, что не продавал.

— Отец мог лгать семье.

Юсуф вскочил.

Надзиратель сделал шаг.

Веденин поднял руку.

— Сядьте.

— Вы его не знали.

— Поэтому и спрашиваю.

— Он мог украсть. Мог напиться. Мог ударить. Но землю не продавал.

— Почему это исключено?

Юсуф сел.

— Потому что после смерти моего деда мы на той земле жили хуже собак. Если бы были деньги, мать знала бы. А отец до конца искал бумаги.

— Где?

— У нотариусов. В управе. У Сафар-амы.

— Кто это?

— Дядя.

— Жив?

— Да.

Веденин записал.

— Второй раз к Ланскому не ходили?

— Нет.

— Кровь — от женщины, которой помогали?

— Я этого не говорил.

— Верно.

Когда Веденин собрал бумаги, Юсуф остановил его. Рассказал о молодой женщине на дороге: увидел мужчину, ударившего её, вмешался, испачкал рукав кровью и отвёл пострадавшую к врачу. Он обещал молчать о случившемся и имени женщины не назвал.

— Почему обещали?

— Потому что если узнают, кто она, для неё всё кончится хуже, чем для того, кто ударил.

— Врач?

— Был.

— Имя?

— Не скажу.

Веденин кивнул.

— Пока не говорите. Но если эта история может подтвердить происхождение крови, нам придётся найти способ проверить её, не отдавая женщину толпе.

Юсуф впервые разжал пальцы.

Из коридора донёсся голос. Низкий, с грузинским оттенком. Кто-то спорил с надзирателем о книге.

Юсуф посмотрел туда.

— Революционер.

— Их здесь хватает.

— Этого Кобой зовут.

Веденин слышал имя. Баку был городом, где нефтяные деньги и подпольные клички ходили иногда по одним улицам.

Когда его вывели в коридор, он увидел невысокого заключённого с внимательным лицом. Тот держал книгу и говорил надзирателю:

— Я не отсюда бежал. Из ссылки. Если уж пересказываете, пересказывайте правильно.

Надзиратель выругался.

Коба заметил Веденина.

— Адвокат?

— Присяжный поверенный.

— Хуже.

— Для кого?

— Зависит от гонорара.

Веденин улыбнулся.

— А революционер зависит от чего?

— От того, кто пишет протокол.

Их развели в разные стороны.

Позже Веденин будет вспоминать этот короткий разговор не из-за будущего человека, которого тогда никто в коридоре не мог видеть целиком. Его поразило другое: даже заключённый, которому приписывали побег, счёл важным исправить место побега.

Факт оставался фактом, даже когда легенда была эффектнее.

• • •

Набат ждала у ворот.

— Хлеб взяли?

— Взяли.

— Он ел?

— Этого не видел.

— Жив?

— Да.

Она кивнула.

— А сказал?

— Что второго раза у Ланского не было.

— Правда.

— Откуда знаете?

— Потому что пришёл домой позже.

— Но вы не знаете, где был.

— Не знаю.

— Тогда почему уверены?

Набат посмотрела на море.

— Я мать.

— Это не доказательство.

— Для вас.

— Для суда тоже.

Она не обиделась.

— Тогда найдите другое.

И пошла вниз по дороге.

Веденин остался стоять у стены. За ней кричали люди. Перед ним было море.

Он подумал, что право отличается от любви именно этим: любовь имеет право верить человеку без доказательств.

Суд — нет.

И адвокат, если хочет помочь любимой матери, тоже не всегда имеет такое право.

Глава 4. Человек, который не видел лица

В понедельник утром Гасан нашёл второй тёмный плащ за два часа.

Точнее, нашёл человека, который в вечер убийства выходил из дома Ланского в тёмном пальто и кепке.

— Это бывший помощник нотариуса, — сказал он, войдя без стука. — Михаил Павлович Зорин. Работал у Ланского.

— Откуда?

— Сапожник напротив видел.

— Лицо?

— Да.

— Время?

Гасан осёкся.

— «Около половины десятого».

— Часы?

— Не спросил.

— Идите обратно.

— Сейчас?

— Пока свидетель не узнал точное время из чужого рассказа.

Гасан ушёл, ругаясь вполголоса.

Зорин появился сам в понедельник, около пяти вечера.

Молодой, хорошо одетый, слишком спокойный.

— Мне сказали, вы интересуетесь мной.

— Я интересуюсь всеми, кто был у Ланского.

— Я не был.

— В пятницу вечером?

— После увольнения — нет.

— Когда уволили?

— В четверг.

— За что?

— Разногласия.

— Какие?

— Служебные.

Веденин ничего не записал.

Зорин заметил.

— Вы не пишете.

— Пока нечего.

— Я сказал достаточно.

— Для разговора. Не для понимания.

• • •

Постепенно выяснилось: Зорина уволили за деньги. Он брал с клиентов нотариальной конторы «за ускорение» того, что должен был делать за жалованье. Ланской поймал.

— Он сам был святой? — спросил Зорин.

— Я не знаю.

— Все знают, что нет.

— Тогда вам будет легко показать.

Зорин усмехнулся.

— Вы защищаете Керимова?

— Да.

— Тогда ищите землю, не меня.

— Почему?

Слишком быстрый ответ.

— Потому что из-за земли они ругались.

— Вы знали?

— Все знали.

— О документе, который Ланской хранил у себя?

Зорин впервые изменился.

Совсем немного.

— О каком старом документе?

— Я не говорил, что старый.

Тишина.

Веденин подождал.

— У нотариуса много старых документов.

— Конечно.

— Вы ловите на словах.

— Нет. Я замечаю, какие слова человек выбирает сам.

Зорин встал.

— Я ухожу.

— Свободны.

У двери Веденин спросил:

— Ваш отец Павел Зорин?

Молодой человек застыл.

— Был.

— Он работал с землемером Серова?

— Не знаю.

— Я тоже пока.

Зорин ушёл.

Гасан вошёл из соседней комнаты.

— Откуда вы про отца?

— Из копии купчей. Один из свидетелей подписи — П. Зорин.

— Думаете, его отец?

— Возможно.

— У вас когда-нибудь закончится это слово?

— Когда закончится дело.

• • •

Сапожник напротив оказался полезнее, чем ожидали.

Он не знал времени.

Зато помнил, что после ухода человека в тёмном пальто его подмастерье понёс лекарство домой.

Аптека закрывалась в девять.

Подмастерье купил лекарство до закрытия, вернулся в мастерскую, помог убрать инструменты, потом вышел.

— Значит, человек вышел после девяти, — сказал Гасан.

— Вероятно.

— Но до звона стакана.

— Если последовательность свидетелей верна.

— И если это Зорин.

— Теперь учитесь.

• • •

В шесть пришла Лейла.

Она была одета темнее, чем Веденин помнил, и иначе держалась. Не как женщина, которую он когда-то провожал после лекции в Тифлисе. В Баку её сопровождала Зейнаб-ханум — пожилая родственница мужа, известная тем, что могла присутствовать рядом и одновременно делать вид, что не слышит ничего.

— Я подожду там, — сказала Зейнаб.

— Здесь тоже можно, — ответил Веденин.

— Молодой человек, я старая, не глухая.

И ушла к Гасану.

Лейла сняла перчатки.

— Павел Андреевич хотел видеть меня в пятницу.

— Видел?

— Нет.

— Почему?

— Я не пришла.

— Что он хотел?

Она посмотрела прямо.

— Рассказать вам правду о моём муже.

Веденин почувствовал то, чего боялся с момента записки.

Не ревность.

Хуже.

Надежду, что прошлое внезапно даст ему право вмешаться в настоящее.

Он придвинул чистый лист.

— Тогда начнём с того, что именно вы знаете.

Лейла улыбнулась едва заметно.

— Вы всё ещё сначала берёте бумагу.

— Теперь чаще.

— Раньше смотрели в лицо.

— И ошибался.

Она перестала улыбаться.

— Поэтому я пришла.

Глава 5. Лейла

Они не виделись шесть лет.

За это время Лейла успела пожить в Женеве, провести зиму в Париже, несколько месяцев в Петербурге, вернуться на Кавказ и выйти замуж за Рашида Аскерова.

Веденин успел разрушить чужую жизнь одним слишком уверенным уголовным делом, оставить службу следователя, стать поверенным и научиться ненавидеть красивую версию раньше, чем она будет проверена.

При встрече выяснилось, что ни один из них не сохранил другого в настоящем времени. Он помнил девушку, спорившую о Толстом в тифлисском саду.

Перед ним сидела жена нефтепромышленника, которая сама знала цену бумагам.

— Ланской прислал мне записку за два дня до гибели, — сказала Лейла. — Просил прийти без мужа.

— Сохранилась?

Она достала.

«Лейла-ханум. Я обязан исправить то, что когда-то сделал. Это касается земли возле Биби-Эйбата и людей, которые считают себя её владельцами. Прошу прийти. П. Л.»

— Почему не пришли?

— Испугалась.

— За себя?

— За Рашида.

— Он причастен к старой сделке?

— Он тогда был почти мальчиком.

— Его отец?

— Да.

— Что сделал?

— Купил землю.

— У кого?

— Через посредников. Рашид всегда говорил, сделка была законной.

— А вы?

— Я нашла бумаги.

Она вынула ещё один лист.

Это была записка управляющего Серова старшему Аскерову: «Семья согласна. Претензия семьи закрывается тремястами. Остальное оформит Зорин».

— Какая семья?

— Керимовы.

Веденин поднял глаза.

— Они получали деньги?

— Насколько понимаю, нет.

— Откуда бумага у вас?

— В семейном архиве.

— Муж знает, что вы взяли?

— Нет.

— Почему не сказали?

— Потому что сначала хотела понять.

— А потом?

— Ланского убили.

• • •

Веденин смотрел на документ.

Триста рублей.

Сумма могла изменить жизнь семьи Керимовых того времени.

И одновременно была ничтожной по сравнению с ценой земли спустя годы.

— Серова знаете?

— Леонида Аркадьевича? Конечно. Он много лет работал с нефтяными делами разных домов.

— С вашим мужем?

— Теперь редко.

— С Ланским?

— Да.

— Почему нотариус хотел исправить именно сейчас?

Лейла молчала.

— Есть ещё что-то.

— Есть.

— Говорите.

— Он был влюблён в одну женщину.

— Как это связано?

— Её фамилия Мешерская.

Веденин не знал фамилии.

— Как её зовут?

— Анна Сергеевна.

— И?

— Позже он дал показание против её сестры Марии.

— Какое?

— Что она не способна воспитывать ребёнка.

— Почему?

— За деньги.

Веденин отложил перо.

— Откуда знаете?

— Ланской однажды сам сказал мне. Был пьян и хотел, чтобы я его простила за то, чего не делала мне.

— Это признание?

— Разговор.

— Кому было выгодно отобрать ребёнка?

— Опекунам.

— Серов?

— Один из них.

Веденин почувствовал, как дело расширяется.

Земля.

Опека.

Старые деньги.

Ланской мог хотеть исправить не одну бумагу.

— Где Рашид был в пятницу вечером?

Лейла подняла голову.

— Дома.

Слишком быстро.

Веденин ничего не сказал.

Она заметила.

- Что?
- Вы ответили прежде, чем я закончил подумать.
- Потому что знаю.
- Видели его весь вечер?

Молчание.

- Нет.
- Когда не видели?
- После десяти.
- Куда он ходил?
- Не знаю.
- Почему тогда сказали «дома»?

Лейла сжала перчатки.

- Потому что я пришла защитить человека, которого люблю.
- Вы любите его?

Она посмотрела холодно.

- Это вопрос по делу?

Веденин почувствовал стыд.

- Нет.
- Тогда больше так не спрашивайте.

Он кивнул.

- Вы правы.

Тишина стала другой.

— Рашид знал о моей записке Ланскому, — сказала она наконец. — Нашёл черновик ответа.

- Ревновал?
- Не к Ланскому.

Веденин понял.

- Ко мне.
- Да.

Зейнаб за стеной громко передвинула чашку.

Лейла почти улыбнулась.

- Она действительно не глухая.
- Почему муж ревновал к человеку, которого вы не видели шесть лет?
- Потому что иногда мужчинам достаточно прошлого, чтобы вести себя так, будто оно продолжает жить без разрешения женщины.

Веденин принял удар.

- Он мог пойти к Ланскому?
- Мог.
- А вы?
- Я пришла к вам, потому что не хочу защищать его ложью.

Она встала.

- Но и отдать вам на растерзание не позволю.
- Я не прокурор.
- Иногда адвокат, желающий доказать невиновность одного, очень легко назначает виновного другого.

Он смотрел на неё.

И понял, что она пришла не только за помощью.

Она пришла проверить, изменился ли он.

• • •

Во вторник Лейла попросила Веденина приехать к ней домой: после вчерашней беседы ей нужно было уточнить несколько обстоятельств.

— Вы хотите спросить о Рашиде, — сказала она.

— Да.

— Тогда спрашивайте о Рашиде. Не обо мне через него.

Веденин почувствовал старую привычку: вопрос уже был готов — где она находилась в вечер убийства, что муж сказал после возвращения, изменилась ли его одежда. Но за этими вопросами стоял другой, личный: счастлив ли её брак?

Он вычеркнул его прежде, чем произнёс.

— Когда ваш муж вернулся домой?

— Точно не знаю. Когда я снова увидела его, он уже был дома.

— Вы видели, как он вошёл?

— Нет.

— Значит, время возвращения подтвердить не можете?

— Не могу.

— Он был взволнован?

— Да.

— Это обычное состояние после деловой ссоры?

— Нет.

— Что сказал?

Лейла помолчала.

— Что Ланской мерзавец.

Зейнаб-ханум не подняла головы.

— Почему?

— Не объяснил.

— Вы спросили?

— Да.

— И?

— Сказал, что некоторые люди считают чужую жизнь частью сделки.

Веденин записал.

— А потом?

— Потом спросил, видела ли я вас.

Карандаш остановился.

Зейнаб-ханум кашлянула, не отрываясь от шитья.

— Что вы ответили?

— Правду. Что не видела много лет.

— Почему он спросил?

— Это уже вопрос к нему.

Лейла могла говорить о деле и всё же оставлять за собой то, что к нему не относилось. Веденин понимал это умом раньше, чем научился принимать.

После официальной части она сказала:

— Александр, если расследуете убийство — расследуйте. Но не пытайтесь одновременно выяснить, кем я стала без вас.

— Я не...

— Пытаетесь.

Он замолчал.

Зейнаб-ханум наконец подняла глаза.

— Молодым людям всегда кажется, что молчание означает согласие. В вашем возрасте уже можно знать лучше.

Лейла улыбнулась.

Веденин — нет. Потому что понял: старуха права сразу о двух людях.

• • •

В тот вторник Лейла долго не ложилась.

Рашид сидел в кабинете и молча читал бумаги. Она не знала, что именно. С тех пор как убили Ланского, между ними возникло новое молчание. Раньше их ссоры имели предмет: поездка, приём, письмо, школа, деньги, знакомый человек. Теперь предмет словно стоял рядом, но ни один не называл.

— Ты был у него? — спросила Лейла.

Рашид не поднял головы.

— У кого?

— Не делай.

Он посмотрел.

— Что?

— Не заставляй меня сначала доказывать, что ты понял вопрос.

Рашид отложил бумагу.

— Был.

Лейла почувствовала не страх даже, а облегчение. Худшее в молчании — неопределённость его размера.

— Когда?

— В тот день.

— До смерти?

— Все были до смерти.

— Рашид.

— Да. До.

— Почему не сказал полиции?

— Потому что они спросили не так.

Лейла почти усмехнулась. Фраза звучала как Веденин.

— А если спросят так?

— Скажу.

— Нет. Ты скажешь раньше.

— Ты распоряжаешься моими показаниями?

— Нет. Я отказываюсь участвовать в твоём молчании.

Он встал.

— Я защищаю тебя.

— От чего?

— От сплетен.

— Моя жизнь не становится твоим доказательством благородства.

Рашид отвернулся.

Лейла видела, что он мучается. И именно поэтому не могла позволить ему сделать из мучения оправдание.

— Если ты ударил его, скажи.

Он повернулся резко.

Она поняла.

— Ударил.

— Один раз.

— Он был жив?

— Да.

— Тогда завтра идёшь к Веденину.

Рашид горько усмехнулся.

— Конечно к нему.

— Не потому что он Веденин. Потому что он защищает человека, который может сидеть за твой удар.

Эта фраза решила больше, чем их дальнейшая ссора.

Глава 6. Чернила на пальцах

Рашид Аскеров появился на следующий день в одиннадцать утра без предупреждения и без жены.

Он был ровесником Веденина или немного моложе, широкоплечий, аккуратно одетый, с манерами человека, которого с юности учили не показывать раздражение перед людьми ниже его по положению. Веденин не знал, считал ли Рашид его ниже.

— Лейла была у вас.

— Да.

— О чём говорили?

— Спросите её.

— Она сказала, что о деле.

— Значит, сказала.

Рашид сел без приглашения.

— Вы любили её.

— Это не относится к делу.

— Для меня относится.

— Тогда это ваше дело, не моё.

Рашид посмотрел, потом неожиданно улыбнулся.

— Она говорила, вы стали хуже.

— В каком смысле?

— Спокойнее.

• • •

Веденин спросил прямо:

— В пятницу после десяти вы выходили из дома?

Рашид не отрицал.

— Да.

— Куда?

— К Ланскому.

Гасан, сидевший за соседним столом, перестал писать.

— Во сколько пришли?

— Не знаю точно. После десяти.

— Он был жив?

— Да.

— Ранен?

Пауза.

— На лице кровь.

— Где?

— Из носа или губы.

— Стоял?

— Да.

— Говорил связно?

— Более чем.

— О чём?

Рашид посмотрел прямо.

— О вас.

Веденин не изменился в лице.

— Продолжайте.

— Сказал, что Лейла никогда меня не любила. Что любит вас.
— И?
— Я ударил его.
Гасан поднял голову.
— Чем?
— Рукой.
— Куда?
— В лицо.
— Упал?
— На стол опёрся.
— Потерял сознание?
— Нет.
— Что сделал после?
— Рассмеялся.
— Вы ушли?
— Да.
— Почему молчали?
— Потому что не хотел, чтобы жена узнала.
— А теперь?
— Теперь она знает.

• • •

Рашид положил на стол папку.

— Это документы отца.
— Зачем?
— Лейла сказала, вы ищите землю.
— Вы знаете, что они могут повредить вашей собственности?
— Да.
— Насколько?
— Если то, что подозревает Лейла, правда, очень сильно.
— Тогда почему отдаёте?

Рашид помолчал.

— Потому что я не хочу, чтобы через двадцать лет мой сын сидел у какого-нибудь адвоката и объяснял, почему отец спрятал бумагу.

Веденин открыл папку.

Счета.

Письма.

Выписки.

Один лист — расписка Сафара Керимова о получении трёхсот рублей.

— Дядя Юсуфа?

— Думаю.

— За что?

— «В счёт окончательного урегулирования земельных притязаний семьи».

— Имел полномочия?

— Не знаю.

— Вот.

Рашид усмехнулся.

— Лейла права. Вы действительно испорчены словом «не знаю».

— Полезная порча.

• • •

На пальцах Рашида были следы чернил.

Веденин заметил, когда тот подписывал расписку о передаче папки.

— Пишете много?

— Всю ночь разбирал архив.

— Сами?

— Да.

— Почему не приказали секретарю?

— Потому что не хотел, чтобы видел.

— Что именно?

Рашид указал на папку.

— Это.

— Всё?

— Да.

Веденин запомнил.

Не потому что подозревал.

Потому что «всё» почти никогда не означает всё.

После ухода Рашида Гасан сказал:

— Он признался в ударе.

— Да.

— Значит, мог убить.

— Мог.

— И скрывал.

— Да.

— Но принёс бумаги против себя.

— Да.

— Тогда хороший?

Веденин посмотрел.

— Не превращайте нравственность в характеристику свидетеля.

Человек может солгать из любви и сказать правду из гордости в один день.

— А вы ему верите?

— Я верю, что он пришёл к Ланскому и ударил.

— Почему?

— Потому что это можно проверить по повреждениям.

— Остальному?

— Проверим.

• • •

При разрешённом судебным следователем осмотре бумаг конторы Ланского Веденин впервые увидел масштаб бумажной жизни Баку. На полках стояли книги сделок, доверенностей, залогов, наследств. Снаружи город казался созданным нефтью, огнём и железом; внутри нотариальной конторы он существовал в чернилах. Один росчерк мог превратить участок в залог, другого человека — в наследника, третьего — в должника.

Веденин обратил внимание на разные оттенки чернил в недавних записях. Сами по себе они ничего не доказывали. Присутствовавший при осмотре чиновник вызвал служащего; тот подтвердил, что Ланской часто запирался во внутренней комнате и писал там. Веденин попросил проверить оставшиеся в ней бумаги.

Там обнаружили черновой список фамилий. Некоторые были зачёркнуты, некоторые обведены. Возле Керимовых — знак вопроса. Возле фамилии Вяземского — два.

— Код? — спросил Гасан.

— Или просто вопросительные знаки.

— Два зачем?

— Возможно, вопрос был больше.

Гасан посмотрел.

— Вы иногда специально говорите скучно?

— Да. Это спасает от красивых глупостей.

Бывший служащий Зорин, вызванный для объяснений, утверждал, что не видел списка. Но когда Веденин нарочно назвал одну фамилию неправильно, он поправил окончание, хотя лист находился слишком далеко для чтения.

— Вы всё-таки видели.

— Слышал от Ланского.

— Когда?

Ответ запоздал.

Так появился первый небольшой разрыв в показаниях Зорина. Не доказательство убийства. Только место, где его рассказ перестал совпадать с собственным знанием.

Веденин отметил красным карандашом не «ложь», а «проверить».

Он всё чаще думал, что профессиональная дисциплина начинается не с умения находить противоречия. С умения не называть противоречие преступлением прежде времени.

Глава 7. Вторая кровь

Доктор Левицкий не любил адвокатов по профессиональной причине: они хотели получить из тела ответ на вопрос, который тело не обязано было понимать.

— Ударили? — спросил Веденин.

— Видите, — сказал Левицкий. — Уже слово неправильное.

— Почему?

— Потому что «ударили» предполагает действующего человека. Я вижу повреждение.

— Хорошо. Повреждение головы?

— Два.

Гасан перестал дышать.

— Два?

— Одно в затылочной области. Второе у виска.

— Одним предметом?

— Не похоже.

— Какое смертельное?

Левицкий снял очки.

— Вы хотите одного убийцу.

— Я хочу причинность.

Доктор посмотрел внимательнее.

— Тогда слушайте. Первое повреждение серьёзное. Оно могло вызвать нарушение координации, оглушение, ухудшение равновесия. Но человек мог оставаться в сознании и двигаться.

— Второе?

— Удар виском о твёрдый край либо воздействие предмета с соответствующей поверхностью. Оно гораздо вероятнее связано с быстрой смертью.

— Металлический угол сейфа подходит?

— Может подходить.

— Если человек уже был травмирован и его толкнули?

— Может.

— Если ударили кулаком в лицо?

— Сам по себе такой удар не объясняет второе повреждение, если только не вызвал падение. Но характер следов...

Левицкий поднял палец.

— Не превращайте это в готовую историю.

Веденин улыбнулся.

— Мы могли бы быть родственниками.

— Не дай Бог.

• • •

Кровь на рукаве Юсуфа оказалась человеческой. Левицкий подчеркнул, что доступное исследование не позволяет установить, принадлежала ли она Ланскому.

— То есть это может быть его кровь?

— Может.

— И может быть другой?

— Да.

— Полезно.

— Медицина не обязана быть полезной вашей стороне.

— Именно за это уважаю.

Полиция хотела считать сам факт обнаружения крови подтверждением близости Юсуфа к убитому. Веденин настоял на сравнении характера пятен и повреждений одежды Ланского.

Левицкий посмотрел на рукав Юсуфа и на одежду убитого.

— Вы хотите, чтобы я сказал, откуда именно эта кровь?

— Хочу, чтобы вы сказали, что можете сказать.

— Наконец нормальная просьба.

Он объяснил: расположение пятен не выглядело как обычный перенос при нанесении смертельной травмы. Кровь могла попасть на рукав при поддерживании другого раненого человека. Могла — не значит попала.

— Запишите именно так? — спросил Веденин.

— А вы хотите сильнее?

— Нет.

Левицкий впервые посмотрел с интересом.

— Станный адвокат.

— Мне говорили.

• • •

К ночи Гасан разыскал врача. Он обошёл несколько частных приёмных и гостиниц; в одной слуга вспомнил молодого рабочего, который в пятницу привёл раненую женщину.

Доктор Тимур Алиевич Сафаров жил в гостинице возле центра и принимал частных больных после работы. Имя оказалось знакомым Лейле, хотя Веденин узнает это позже.

Сафаров сначала отказался говорить.

— Врачебная тайна.

— Мне не нужно имя женщины, если можете подтвердить другое.

— Что?

— В пятницу вечером человек по имени Юсуф Керимов приводил к вам раненую?

Доктор посмотрел.

— Кто вам сказал?

— Юсуф рассказал о раненой женщине, но вашего имени не назвал.

— Тогда?

— Мы проверили, кто принимал больных тем вечером. В вашей гостинице запомнили рабочего с пострадавшей. Теперь нужно установить, были ли это они.

Сафаров усмехнулся.

— Опасный метод.

— Поэтому проверяю.

Доктор вынул книгу приёма.

Запись:

«Пятница. Около 9 1/4. Молодая женщина. Ушибы лица, рассечение брови. Доставлена Ю. К.»

— Девять пятнадцать? — спросил Веденин.

— Приблизительно.

— Откуда время?

— Часы были у меня.

— Юсуф оставался?

— Пока я осматривал. Потом ушёл.

— Когда?

— Не меньше чем через двадцать минут.

— Отсюда до дома Ланского?

Сафаров подумал.

— Быстро — минут двадцать пять, может больше.

Гасан улыбнулся.

Если бы время около половины десятого подтвердилось, оно плохо совмещалось бы с этой записью. Но «половина десятого» пока оставалась подсказкой полицейского, усвоенной Меликяном.

Веденин не улыбнулся.

— Женщина жива?

— Да.

— Согласится подтвердить?

— Не уверен.

— Почему?

Сафаров посмотрел.

— Потому что её избил мужчина, с которым семья собирается её выдать замуж.

— Понимаю.

— Нет, — сказал доктор. — Вы понимаете дело. Она понимает жизнь после суда.

Веденин замолчал.

Это было справедливо.

• • •

У двери Сафаров спросил:

— Лейла знает, что вы ведёте дело?

Веденин остановился.

— Вы знакомы?

— Когда-то собирались пожениться.

Вот и третий мужчина из прошлого Лейлы в одном деле.

Веденин почувствовал почти комическое раздражение.

Сафаров заметил.

— Не превращайте любовь в допрос, Александр Ильич.

— Вы меня знаете?

— Лейла рассказывала.

— Хорошее?

— Достаточно, чтобы я советовал осторожность.

Веденин вышел.

Гасан шёл рядом и молчал слишком выразительно.

— Что?

— Ничего.

— Говорите.

— Я впервые рад, что не образован настолько, чтобы у меня было столько прошлых женихов вокруг одного дела.

Веденин остановился.

— Гасан.

— Молчу.

• • •

Юсуф, услышав, что женщину не придётся публично называть без необходимости, спросил:

— Значит, поверили?

— Проверили.

Он усмехнулся.

— У вас это, наверное, признание в любви.

Веденин неожиданно вспомнил Лейлу.

— Иногда даже лучше.

Глава 8. Бумага отца

Сафар Керимов пришёл только после того, как Набат сама привела его за рукав.

Он был старше покойного Али на семь лет и выглядел хуже: рыхлый, красноглазый, с руками человека, который много лет обещал себе перестать играть в карты.

— Я ничего не знаю, — сказал он ещё в дверях.

Набат толкнула его в спину.

— Скажи.

— Что?

— Про деньги.

Сафар побледнел.

Веденин положил на стол копию расписки.

Триста рублей.

— Подпись ваша?

— Моя.

— За что получили?

— Долг.

— Чей?

— Мой.

— Тогда почему написано «земельные притязания семьи»?

Сафар молчал.

Набат смотрела на него без злости.

Это было хуже.

— Я проиграл, — сказал он наконец.

— Сколько?

— Много.

— Вам предложили деньги за что?

— Сказать, что семья согласна.

— Кто?

— Серов.

— Леонид Аркадьевич?

— Тогда он молодой был. Не такой важный.

— Что именно вы должны были сделать?

— Ничего. Не ходить. Не спорить. Если спросят — сказать, что Али получил своё.

Набат закрыла глаза.

— Али знал?

— Нет.

— Вы имели доверенность?

— Нет.

— Подпись Али на купчей?

Сафар посмотрел на пол.

— Не его.

Тишина.

— Откуда знаете?

— Он в тот день был в Шемахе.

— Почему?

— На похоронах дяди жены.

— Вы были?

— Да.

— Значит, подпись физически не мог поставить в Баку?

— Если дата правильная.

Веденин поднял голову.

— Что значит?

— Серов однажды сказал: «Дата всё терпит».

• • •

Вот трещина стала дверью.

Купчая могла быть не просто подписана чужой рукой.

Могла быть датирована так, чтобы создать алиби документу против человека.

— Кто такой Зорин-старший?

Сафар сглотнул.

— Писарь. Потом посредник.

— Он подделал подпись?

— Не видел.

— Что видели?

— Серов дал ему бумагу. Потом появилась купчая.

— Это разные вещи.

— Знаю.

— Почему молчали столько лет?

Сафар засмеялся без радости.

— Сначала потому что деньги нужны. Потом потому что стыдно. Потом потому что чем дольше молчишь, тем больше кажется, что уже поздно говорить.

Набат сказала тихо:

— Али умер, думая, что я ему не верю.

Сафар заплакал.

Не красиво.

С хрипом, закрывая лицо ладонями.

Веденин отвернулся к окну.

Он знал: признание человека не становится надёжнее от слёз.

Но иногда слёзы показывают цену, которую ложь брала уже после того, как принесла деньги.

• • •

Сафар вспомнил ещё одно.

Отец Зорина незадолго до смерти написал письмо.

— Кому?

— Ланскому.

— Что в нём?

— Не знаю. Михаил говорил, отец «всё оставил на бумаге».

— Где письмо?

— У сына, наверное.

Веденин посмотрел на Гасана.

Зорин снова становился важнее.

Набат встала.

— Я домой.

— Подождите.

— Зачем?

— Вы знали, что муж не продавал землю?

Она помолчала.

— Нет.

Сафар поднял голову.

— Что?

— Я думала, продал.

— Набат...

— Он говорил, что украли. Я думала, стыдно признаться, что деньги ушли.

Веденин понял: даже жена не верила Али.

И именно поэтому её просьба к суду позже будет не о богатстве.

Она захотела, чтобы кто-то наконец официально сказал: он не лгал.

• • •

После их ухода Гасан сказал:

— Если подпись поддельная, земля Керимовых.

— Не спешите.

— Почему?

— Потому что после той купчей были другие сделки, залоги, расходы, добросовестные приобретатели, строительство.

— Но начало ложное.

— Да.

— Значит, всё падает.

— В нравственной сказке — мгновенно.

— А в праве?

— В праве сначала выясняют, что именно падает на кого.

Глава 9. Чёрный город

Чтобы понять цену земли, Веденин поехал туда, где нефть переставала быть землёй и становилась запахом.

Чёрный город не соответствовал названию только в одном: чёрного там было недостаточно, чтобы описать все оттенки копоти. Трубы, резервуары, стены, одежда, лица — всё принимало на себя тонкую плёнку промышленности.

Они искали Николая Карловича Штольца, инженера, имя которого появилось в бумагах Ланского. На предприятии Аскерова о нём говорили неохотно. Один мастер утверждал, что инженер уехал. Другой — что заболел. Третий вообще спросил, кто такой Штолец, хотя его фамилия стояла на недавнем техническом отчёте.

Веденин заметил: когда несколько людей дают разные ответы, это не обязательно заговор. Иногда каждый просто боится сказать, что не знает. Но здесь было другое — все ответы одинаково уводили от вопроса, где инженер сейчас.

Рабочий в мазутной куртке сказал тихо:

— Он землю смотрел.

— Какую?

— У Биби-Эйбата. Там, где старые скважины.

— И?

— Сказал, ниже ещё есть.

— Нефть?

Рабочий пожал плечами.

— Что ещё там ищут?

Рабочий оглянулся и указал на длинный деревянный барак за резервуарами. Штолец, по его словам, с утра проверял там расчёты.

— Почему же нам говорили, что он уехал? — спросил Гасан.

— Сначала найдём его, — ответил Веденин.

Штолец оказался в указанном бараке, на территории предприятия Аскерова.

Николай Карлович был инженером из тех, кто разговаривает с человеком так, будто собеседник тоже механизм, который нужно сначала проверить на прочность.

— Земля Керимовых?

— Да.

— Что хотите знать?

— Почему за неё начали бороться задолго до того, как там нашли крупную нефть.

Штолец посмотрел внимательнее.

— Кто сказал, что нашли поздно?

— Официальные отчёты.

— Официальные отчёты иногда пишут люди, которым платят владельцы.

— Вы один из них?

Инженер усмехнулся.

— Уже нравится.

• • •

Оказалось, старые скважины на участке бурили слишком мелко.

— Почему?

— Потому что отчёт сказал: перспективы ограниченные.

— Чей?

— Мой.

Веденин молчал.

— Вы ошиблись?

— Нет.

— Тогда?

— Мне заплатили.

Признание прозвучало так просто, что Веденин сначала не поверил.

— Кто?

— Тогдашний представитель Аскеровых.

— Старший Аскеров?

— Через Серова.

— Зачем занижать собственную землю?

— Она ещё не была их окончательно. Нужно было снизить спорную ценность, закрыть претензии, потом бурить глубже.

— Рашид знает?

— Думаю, нет.

— Ланской знал?

— Позже узнал.

• • •

Штольц показал геологические карты.

— Здесь старый горизонт. Здесь глубже. Если моя нынешняя модель верна, ниже лежит гораздо больше.

— Насколько?

— Много.

— Миллионы?

— Если повезёт — десятки.

Веденин почувствовал, как меняется дело.

Бедная семья спорила не о клочке земли.

Под землёй могло лежать состояние, способное купить половину людей, которые будут рассматривать документы.

— Кто ещё может подтвердить геологию независимо?

— Нобелевские инженеры.

— Они вмешаются?

— Не в спор. Но технический вопрос можно поставить.

— Мне нужен человек без интереса к участку.

Штольц назвал Карла Иогановича Линдберга, шведского инженера, работавшего в системе Бранобеля.

— Он неприятный.

— Прекрасно.

— Почему?

— Меньше шансов, что захочет понравиться.

• • •

На выходе Штольц сказал:

— У меня есть ещё кое-что.

— Что?

— Я когда-то спрятал бумаги.

— Где?

— На Баилове. Под старым причалом.

— Почему?

— Потому что Серов понял, что я оставил копии.

— И?

— Меня избили. Потом два дня держали в доме за городом.

— Кто?

— Не знаю имён.

— Полиция?

— Не обращался.

— Почему?

— Потому что я сам подделывал технический отчёт.

Веденин кивнул.

Система держала людей не только деньгами.

Общей виной.

Когда каждый сделал немного незаконного, никто не хотел первым идти к закону.

— Бумаги ещё там?

— Если море не забрало.

— Покажете?

Штольц посмотрел на копоть за окном.

— Покажу. Денег за это не прошу.

— Почему вы решились теперь? — спросил Веденин.

— Потому что Ланской умер.

Веденин заметил: инженер сказал не «потому что раскаиваюсь».

И доверял этому ответу больше.

• • •

На обратном пути Веденин остановился у рабочего посёлка. Дети играли рядом с канавой, по воде которой шла радужная нефтяная плёнка. Гасан сказал:

— Если под землёй действительно столько нефти, Керимовы станут богатыми.

— Если земля их.

— Вы уже сомневаетесь?

— Я ещё не начинал быть уверенным.

Интерлюдия. Город, который не спал

Ночью Баку не становился тише. Он только менял тех, кто шумел.

Днём город принадлежал торговцам, конторам, экипажам, нотариусам, чиновникам, людям, которые торопились настолько заметно, будто само выражение спешки доказывало важность их дела. После заката деловой центр постепенно отдавал улицы тем, чьё рабочее время начиналось раньше рассвета или вообще не имело чёткой границы: сторожам, грузчикам, извозчикам, рабочим ночных смен, людям у печей и котлов, полицейским, врачам, женщинам, которые возвращались от больных родственников, мальчикам с последними газетами.

Веденин любил ходить поздно, если день давал слишком много ответов.

Ответы утомляли его больше вопросов.

Вопрос можно оставить открытым. Ответ быстро начинает требовать верности.

В эту ночь он вышел из конторы после одиннадцати. Гасан уже ушёл. На столе лежали три группы бумаг: дело Юсуфа, копии старых земельных записей и записи сегодняшнего разговора со Штольцем. Если смотреть по отдельности, каждая группа рассказывала собственную историю. Если сложить рядом — хотелось немедленно придумать одну общую.

Веденин заставил себя не делать этого.

На улице ветер пах морем и чем-то горелым. В Баку запах нефти не всегда означал пожар. Иногда он был частью воздуха настолько привычной, что приезжий кашлял, а местный не замечал.

Он пошёл без извозчика.

• • •

У лавки двое мужчин спорили по-армянски. Чуть дальше женщина звала ребёнка по-азербайджански. От открытой двери подвального помещения доносилась русская песня. Кто-то ответил на персидском. Город не превращал это множество языков в гармонию. Люди так же ругались, торговались, делили дворы и подозревали чужих. Но человеку, который хотел понять Баку, приходилось привыкать: одна улица могла содержать несколько миров, не спрашивая разрешения у теории о том, каким должен быть город.

Веденин остановился у чайной. Хозяин знал его и поставил стакан, не спрашивая.

— Поздно работаете.

— Вы тоже.

— У меня люди пьют чай. У вас люди убивают друг друга.

— Не каждый день.

— Значит, работа спокойнее.

За соседним столом рабочие обсуждали убийство Ланского. Веденин услышал фамилию Юсуфа и не повернул головы.

— Конечно он, — сказал один. — Кричал же на нотариуса.

— Кричать не убивать.

— Кровь нашли.

— У меня на куртке вчера тоже кровь была. Палец порезал.

— У тебя не человека убили.

— А если завтра убьют?

Они засмеялись.

Так общественное мнение строило обвинение без злобы и без намерения судить. Просто люди любили законченные истории. Нотариус убит. Рабочий угрожал. Кровь. Значит, всё понятно.

Веденин подумал: суд отличается от чайной не тем, что в суде умнее. Тем, что суд обязан объяснить, почему «значит» действительно следует из предыдущих слов.

• • •

Он пошёл дальше к приморской части.

Бульвар был ещё молодым городским пространством. Некоторые участки выглядели новым обещанием, а не законченной привычкой. Днём здесь гуляли семьи, вечером — люди, которым нравилось море без необходимости ехать далеко от центра.

Веденин остановился у воды.

Где-то в стороне Баилова находился Юсуф.

Не отсюда было видно его окно. И это почему-то казалось правильным. Заключение всегда существует рядом с обычной жизнью и при этом невидимо для неё.

Он вспомнил собственную прежнюю ошибку.

Тот человек тоже был в тюрьме, а Веденин ходил по улице, покупал газету, ужинал, говорил о погоде. Одиннадцать месяцев чужой жизни не ощущались в его собственном времени. Он думал о деле, но не просыпался каждый час на жёсткой койке. Поэтому легко было говорить: «следствие продолжается».

После признания настоящего убийцы Веденин впервые понял, что юридическое время и человеческое не равны. Для следователя неделя — срок проверки. Для невиновного в камере — неделя жизни, которую никто не вернёт оправдательным постановлением.

Может быть, именно поэтому теперь он раздражал Платонова вопросами, которые казались медлительностью. Он пытался быть осторожным быстрее.

Это почти противоречие.

• • •

Набат в ту же ночь не знала ничего о разговоре богатых супругов.

Она считала деньги.

Не свои три рубля — их уже отдала адвокату и потом забрала обратно. Считала, сколько останется, если Юсуф не выйдет долго.

Хадиджа сидела напротив.

— Мама, я могу пойти работать.

— Учись.

— Денег мало.

— Учись.

— Юсуф бы сказал...

Набат подняла глаза.

— Юсуф пока не хозяин сестры.

— Он брат.

— Вот пусть братом и будет.

Хадиджа улыбнулась.

— А если не хватит?

— Тогда будем думать.

— Что?

— Когда не хватает хлеба, сначала думают про хлеб. Не про то, кто в доме главный.

Она достала из шкафа бумагу Али.

Муж когда-то повторял, что землю украли. Набат не верила. После его смерти это неверие стало особенно тяжёлым, потому что теперь уже нельзя было сказать: «Докажи».

Она разгладила бумагу.

— Если он был прав...

Хадиджа спросила:

— Кто?

— Отец.

— Про землю?

— Да.

— Ты ему не верила?

Набат сложила лист.

— Иногда человек умирает раньше, чем ты успеешь сказать ему, что ошибалась.

Хадиджа не знала, что ответить.

Набат тоже.

• • •

Платонов в это время работал.

Он считал Веденина раздражающим человеком. Защитник умел взять простой свидетельский факт и превратить в пять новых вопросов. Платонову казалось, что при таком способе невозможно закончить ни одно расследование.

Но поздно ночью он снова открыл протокол Меликяна.

«Около половины десятого».

На полях поставил знак.

Потом протокол осмотра одежды Юсуфа.

Кровь.

Ещё знак.

Потом сведения о женщине у доктора.

Впервые он не написал «версия защиты».

Написал:

«Проверить независимо».

Ему самому это не понравилось.

• • •

К утру город продолжал жить.

На промыслах менялись смены. В Чёрном городе люди выходили из ворот с лицами, на которых усталость была сильнее политических взглядов. На железной дороге двигали вагоны. В порту грузили. Рыбаки спорили о ветре. В старом городе открывали ставни.

И где-то между всеми этими обычными действиями находилась правда о смерти одного нотариуса.

Не спрятанная в великом тайнике.

Разделённая между людьми.

Один видел пальто.

Другой слышал слова.

Третий ударил и промолчал.

Четвёртый принёс женщину к врачу.

Пятый переписал дату.

Шестой много лет назад взял деньги.

Никто не держал всей истории.

Веденин возвращался домой на рассвете и вдруг понял, что искать «человека, который знает всё», возможно, ошибка.

Некоторые преступления существуют именно потому, что никто не знает всего.

Тогда задача расследования не найти главного рассказчика.

Заставить отдельные куски мира впервые оказаться на одном столе.

Глава 10. Три визита

К концу недели Веденин уже знал о трёх людях, приходивших к Ланскому после первого визита Юсуфа.

Зорин.

Рашид.

И кто-то в женском пальто, которого видела соседка с противоположной галереи.

— Лица?

— Вуаль.

— Рост?

— Средняя.

— Возраст?

— Женщина.

— Это не возраст.

Соседка пожала плечами.

— Не девочка.

— Когда?

— После богатого господина.

— Откуда знаете, что богатый?

— Экипаж.

— Рашид приехал пешком, — сказал Гасан позже.

— Значит, либо не он, либо свидетель связывает богатство с другим признаком.

Они вернулись.

— Почему решили, что господин богатый?

— Пальто хорошее.

— Экипаж?

— Какой экипаж?

Вот так память дорисовывала удобное.

• • •

Женщина пришла позже всех.

Соседка слышала, как Ланской говорил громко: «Я не могу вернуть вам отца».

Потом голос женщины:

«Верните хотя бы бумагу».

Это совпадало с несколькими историями сразу.

Земля Керимовых.

Письмо Зорина-старшего.

Дело Мещерских.

Кто потерял отца?

• • •

В бумагах Ланского нашли две слипшиеся фотографии.

На первой была молодая женщина.

На обороте:

«Павлу. Анна. 1902».

На обороте второй карандашом было приписано:

«Ольга Воронцова? дочь Н. П.»

На маленьком втором снимке девочка лет четырнадцати стояла рядом с мужчиной. У девочки отсутствовала часть левого мизинца.

Штольц, увидев, побледнел.

— Это моя жена.
— Ольга?
— Да.
— В девичестве Воронцова?
— Да.
— Её отец?
— Николай Петрович Воронцов.
— Что с ним?

Штольц молчал.

— Потерял землю.
— Где?
— Рядом с Керимовыми.
— Как?
— По той же системе.
— Жив?
— Повесился.

Вот кому Ланской не мог вернуть отца.

• • •

— Где ваша жена?
— Не знаю.
— Вы живёте отдельно?
— Два года.
— Почему?
— Потому что она узнала, что я работал на людей, которые помогли отнять землю её отца.
— Вы знали тогда?
— Не сначала.
— Потом?
— Потом знал достаточно, чтобы уйти.
— И не ушли.
— Нет.

Штольц смотрел прямо.

— Хотите, чтобы я сказал, что боялся? Я хотел денег. Хотел положение. Боялся тоже. Но если написать только страх, получится красивее, чем было.

Веденин кивнул.

Эта фраза ему понравилась.

• • •

Ольгу начали искать.

Лейла узнала её описание.

— Она приходила ко мне два месяца назад.
— Зачем?
— Просила помочь найти документы отца.
— Вы помогли?
— Дала имя Ланского.

Веденин посмотрел.

— Значит, она могла узнать о нём от вас.
— Да.
— Почему не сказали раньше?

Лейла побледнела.

— Не связала.

— Вы знали про отсутствующий палец?

— Нет. Она была в перчатках.

Он видел, что она говорит правду.

И тут же остановил себя.

Видеть правду нельзя.

Можно видеть только поведение, которое кажется с ней совместимым.

— Я должен был спросить вас про всех, кого направляли к Ланскому, — сказал он.

— А я должна была вспомнить.

— Нет. Это моя работа.

Лейла посмотрела.

— Вы всё ещё хотите отвечать за каждую чужую ошибку?

Он не ответил.

• • •

Три визита Ланского в старый архив за последние недели сначала выглядели одинаково. Он приходил, запрашивал книги, просматривал страницы и уходил. Архивист помнил его плохо: нотариусы здесь не редкость.

Веденин попросил показать книги выдачи. Во второй визит Ланской запросил не дело Керимовых, а реестр соседних участков. Это изменило направление. Если он проверял только одну спорную купчую, соседние земли не были нужны. Если восстанавливал схему — были.

На полях старого плана обнаружились карандашные цифры. Архивист уверял, что такие пометки делать запрещено.

— Значит, не Ланской?

— Не знаю.

— Кто ещё видел план?

Список оказался длинным и уходил на пятнадцать лет назад.

Веденин не любил архивы за иллюзию неподвижности. Бумага лежит тихо и кажется честнее человека. Но документ тоже имеет биографию: кто его составил, кто переписал, кто подписал, кто мог вынуть страницу, кто видел оригинал, а кто только копию.

Старая карта показала, что участок Керимовых оказался внутри зоны, где за несколько лет несколько мелких владельцев почти одновременно потеряли землю через разные юридические механизмы: продажу, долг, залог, доверенность. Слишком разные формы вели к слишком похожему результату.

— Серов, — сказал Гасан, увидев повторяющееся имя управляющего.

— Возможно.

— Вы его уже подозреваете.

— Я подозреваю повторяемость.

Это различие позже станет главным. Серов действительно окажется архитектором системы, но не каждое действие в системе будет его личным приказом. Люди очень быстро учатся продолжать удобное зло без новых распоряжений.

Глава 11. Трость с орлом

Трость нашли возле водостока в двух кварталах от дома Ланского.

Чёрное дерево.

Серебряная головка в виде орла.

На серебряной головке — бурый след.

Платонов, чиновник сыскной полиции, вёл дознание по поручению судебного следователя. Трость он показал Веденину не из дружбы.

— Вы слишком много ходите вокруг нашего дела.

— Тогда зачем показываете?

— Чтобы потом не рассказывали, будто полиция спрятала.

Веденин взял трость только после разрешения.

— Чья?

— Серова.

— Уверены?

— Его слуга опознал.

— Когда пропала?

— В день убийства.

Гасан посмотрел на Веденина.

Вот красивый подозреваемый.

Серов.

Старая земельная схема.

Трость с кровью.

Ланской хотел исправить документы.

Слишком красиво.

— Где Серов был вечером?

— У Аскеровых.

— До скольких?

— До девяти.

— Потом?

— Говорит, дома.

— Кто подтверждает?

— Слуги.

— Трость?

— Утверждает, перепутали в прихожей.

— С чем?

— У доктора Сафарова похожая.

Веденин поднял глаза.

— Тимур Сафаров был у Аскеровых?

— Да.

Лейла этого не сказала.

• • •

Сафаров объяснил просто.

— Был на ужине. Моя трость и Серова похожи. Ушёл раньше, взял чужую.

— Заметили?

— В гостинице.

— Вернули?

— Нет. На следующий день собирался.

— Где она была вечером?
— В моём номере.
— Кто приходил?
Сафаров помолчал.
— Зорин.
— Михаил?
— Да.
— Зачем?
— Просил денег.
— Дали?
— Нет.
— Когда ушёл?
— Около девяти.
— Трость после его ухода была?
Тишина.
— Не помню.

• • •

О задержании на пристани распорядился Платонов. Веденину позволили присутствовать; вопросы, требовавшие официального ответа, затем внесли в протокол.

Веденин нашёл Зорина через два дня на пристани.

При нём было двадцать тысяч рублей.

— Откуда?
— Продал имущество.
— Какое?
— Матери.
— Она умерла семь лет назад.
Зорин побледнел.
— Вы собираетесь в Персию?
— По делам.
— С двадцатью тысячами?
— Моими.
— И трость Серова тоже ваша?

Зорин замер.

— Какую трость?

Веденин увидел страх.

Не доказательство убийства.

Но страх конкретного предмета.

• • •

На допросе Зорин изменил показания.

Сначала сказал, что Серов сам дал ему трость и поручение к Ланскому.

Потом — что взял у Сафарова случайно.

Потом — что не помнит.

Платонов раздражённо сказал:

— Врёт во всём.
— Не обязательно.
— Три версии!
— Ложь в одном месте не делает автоматически ложным всё остальное.
— Вы защищаете его?
— Нет.

— Тогда чего?

— Разделяю.

Левицкий нашёл на тяжёлой части рукояти след крови, но снова отказался говорить больше, чем позволял материал.

Трость могла быть орудием одного из ударов.

Не обязательно смертельного.

• • •

Трость имела странную тяжесть.

Мастер, осмотревший головку, обнаружил резьбу.

Внутри рукояти был узкий тайник.

Пустой.

— Что там было? — спросил Платонов.

Зорин закрыл лицо.

— Письмо.

— Чьё?

— Отца.

Вот оно.

Исповедь Павла Зорина.

— Где письмо?

— Было в трости.

— А теперь?

— Ланской взял.

— Значит, вы были у него.

Зорин перестал сопротивляться.

— Был.

— И ударили?

Он долго молчал.

— Один раз.

Глава 12. Фотография двух сестёр

Зорин рассказал не сразу.

Ланской показал ему копию старой купчей и сказал:

— Вот наследство твоего отца.

— В каком смысле?

— Подпись.

— Его?

— Керимова. Сделанная рукой твоего отца.

Зорин не поверил.

Тогда Ланской развернул письмо Павла Зорина. Сын годами хранил его дома. В пятницу он взял письмо с собой, а в гостинице Сафарова заметил, что головка чужой трости отвинчивается, и спрятал свёрток внутри. Уже у Ланского сам вынул его: хотел спросить о словах отца, которых до конца не понимал. Теперь нотариус держал письмо перед ним.

— Он сам написал, — сказал нотариус. — Хочешь быть сыном — прочитай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.